

УДК 34

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-254-259

**Исполнение решений Международного уголовного суда
в контексте резолюций Совета Безопасности ООН****Шамсутдинов Ильяс Рафикович**

Аспирант кафедры международного права
юридического факультета
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Актуальность исследования обусловлена сохраняющимися трудностями исполнения решений Международного уголовного суда (МУС), а также усиливающейся политизацией международных механизмов правоприменения и снижением эффективности международного уголовного правосудия. Особую значимость в этом контексте приобретает роль Совета Безопасности ООН при передаче ситуаций в юрисдикцию МУС.

Целью исследования является выявление правовых и институциональных ограничений участия Совета Безопасности ООН в обеспечении исполнения решений Международного уголовного суда.

В статье анализируются особенности обязательств государств при передаче ситуации Советом Безопасности, влияние политических факторов на исполнение ордеров МУС, а также значение института иммунитетов в механизме взаимодействия судебных и политических органов международного правосудия.

В результате исследования обосновано, что передача ситуации Советом Безопасности формирует особый режим международного сотрудничества, который носит обязательный характер, однако не обеспечен самостоятельными механизмами принуждения. Показано, что существующая модель взаимодействия между МУС и ООН способствует институциональной легитимации деятельности Суда, но не гарантирует фактическое исполнение его решений.

Ключевые слова: *Международный уголовный суд, Совет Безопасности ООН, исполнение решений МУС, юрисдикция по статье 13(b), легитимность международного правосудия, иммунитеты должностных лиц, международное сотрудничество*

Для цитирования: *Шамсутдинов И.Р. Исполнение решений Международного уголовного суда в контексте резолюций Совета Безопасности ООН // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 1. С. 254–259. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-1-254-259.*

Международный уголовный суд (далее – МУС) создан для привлечения к ответственности лиц, совершивших геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии. Его деятельность основана на Римском статуте 1998 г., который закрепляет систему договорных обязательств государств-участников, включая обязанность сотрудничества с Судом при осуществле-

нии уголовного преследования и исполнении его решений.

Эффективность международного уголовного правосудия во многом зависит от реального механизма исполнения решений Суда, прежде всего ордеров на арест. Поскольку МУС не обладает собственными средствами принуждения, исполнение его решений определяется готовностью государств сотрудничать

и наличием институциональных механизмов обеспечения соответствующих обязательств.

Особое значение имеют ситуации, переданные в юрисдикцию МУС на основании резолюций Совета Безопасности ООН, принятых в соответствии с главой VII Устава ООН (ст. 13(b) Римского статута). Такой механизм применялся, в частности, в отношении Судана (Дарфур) и Ливии. Практика Суда показывает, что исполнение решений МУС в этих ситуациях сталкивается с рядом правовых и институциональных ограничений, связанных как с толкованием положений Римского статута (прежде всего ст.ст. 27 и 98), так и с ограниченными возможностями Совета Безопасности сопровождать принятые решения последующими мерами.

Цель настоящего исследования заключается в анализе правовой природы обязательств по исполнению решений МУС в ситуациях, переданных Советом Безопасности, а также в выявлении факторов, влияющих на их реализацию на практике. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе механизма исполнения решений Международного уголовного суда через призму резолюций Совета Безопасности ООН.

Нормативные основания обязательства сотрудничества при передаче ситуации Советом Безопасности ООН

Правовая природа обязательства государств сотрудничать с Международным уголовным судом определяется сочетанием положений Римского статута 1998 г. и Устава ООН, а также практикой их толкования [1, р. 90; 2; 3, с. 147].

Основой сотрудничества выступает договорное обязательство государств – участников Римского статута, закреплённое в ст.ст. 86–87, согласно которым государства обязуются предоставлять Суду помощь, необходимую для осуществления его функций [4].

В ситуациях, переданных Советом Безопасности в юрисдикцию МУС на основании главы VII Устава ООН, обязательство сотрудничества приобретает институциональный характер, поскольку резолюции Совета Безопасности, принятые в соответствии с главой VII, обладают обязательным характером для всех государств – членов ООН [2]. Такая конструкция реализуется через действие статьи 13(b) Римского статута, предусматривающей возможность передачи ситуации Советом Безопасности [4].

Передача ситуации Международному уголовному суду по решению Совета Безопасности была осуществлена, в частности, в отношении Судана (резолюция 1593 (2005)) и Ливии (резолюции 1970 и 1973 (2011)) [5]. В обоих случаях Совет Безопасности признал соответствующие события угрозой международного мира и безопасности и передал их в юрисдикцию Суда с целью обеспечения привлечения к ответственности лиц, подозреваемых в совершении международных преступлений.

Такая передача не означает присоединения государства к Римскому статуту, однако формирует обязательство сотрудничества, вытекающее из решения Совета Безопасности, принятого в рамках системы коллективной безопасности ООН. В этих условиях государства обязаны оказывать Суду содействие, необходимое для осуществления его юрисдикции, включая предоставление доказательств и документов, содействие следственным действиям, обеспечение явки свидетелей и исполнение ордеров на арест [4].

Исполнение ордеров на арест является ключевым элементом функционирования Международного уголовного суда и одновременно представляет собой основную практическую проблему международного уголовного правосудия. Существенные трудности возникают, в частности, в связи с вопросом соотношения положений ст.ст. 27 и 98 Римского статута. Согласно ст. 27, должностное положение лица, включая статус главы государства, не освобождает его от уголовной ответственности и не препятствует осуществлению юрисдикции Суда. В то же время ст. 98 предусматривает, что Суд не может требовать передачи лица, если это вынудило бы государство нарушить международные обязательства в отношении иммунитетов третьих государств [4].

Разрешение данного противоречия стало одним из ключевых вопросов судебной практики Международного уголовного суда, анализ которой позволяет выявить институциональные и правовые ограничения механизма исполнения его решений.

Практика исполнения решений МУС: Судан и Ливия

Передача ситуаций в юрисдикцию Международного уголовного суда по решению Совета Безопасности ООН была реализована в практике международного уголовного правосудия в отношении Судана (резолюция 1593 (2005)) и Ливии (резолюции 1970 и 1973 (2011)) [5]. Эти случаи показали, что наличие юридического основания для распространения обязательства сотрудничества на государство, не являющееся участником Римского статута, само по себе не гарантирует фактического исполнения решений Суда, прежде всего ордеров на арест.

Наиболее показательным примером стала ситуация в Судане (Дарфур). После передачи ситуации в юрисдикцию МУС Суд выдал ордера на арест ряда лиц, включая действующего на тот момент президента Судана Омара аль-Башира. Судан отказался сотрудничать с Судом, ссылаясь на отсутствие членства в Римском статуте и иммунитет главы государства. Дополнительные сложности возникли в связи с визитами аль-Башира в государства – участники Римского статута, которые не исполнили запросы Суда о задержании [4].

Рассматривая случаи неисполнения запросов МУС государствами – участниками Статута (в част-

ности, Малави и Чадом), Суд указал, что передача ситуации Советом Безопасности приводит к распространению режима ст.ст. 27 и 89 Римского статута на государство, в отношении которого осуществляется расследование, даже если оно не является участником Статута. Исходя из этого Суд пришёл к выводу, что иммунитет главы государства не препятствует исполнению ордеров МУС, когда обязательство сотрудничества вытекает из решения Совета Безопасности [4; 6, р. 92].

Данная позиция получила дальнейшее развитие в решениях по делу о неисполнении запроса Южной Африкой (2017) и была окончательно подтверждена Апелляционной палатой МУС в деле Иордании (2019). Суд указал, что передача ситуации Советом Безопасности в соответствии со ст. 13(b) Римского статута исключает применение иммунитетов, которые могли бы препятствовать исполнению ордера на арест. При этом Суд отметил необходимость системного толкования ст.ст. 27 и 98 Римского статута, исходя из целей международного уголовного правосудия [3; 5, р. 94; 7; 8, с. 212].

Иной характер трудностей проявился в ситуации в Ливии. Несмотря на передачу ситуации резолюциями Совета Безопасности 1970 и 1973 (2011), исполнение решений МУС оказалось существенно затруднено из-за институциональной нестабильности государства. Национальные органы уголовной юстиции ссылались на приоритет внутреннего уголовного преследования в соответствии с принципом комплементарности, закреплённым в ст. 17 Римского статута [4]. Кроме того, отсутствие устойчивых государственных институтов, конкуренция между национальной и международной юрисдикциями, а также недостаточное сопровождение резолюций Совета Безопасности последующими мерами существенно осложнили исполнение запросов Суда.

Таким образом, анализ практики показывает, что передача ситуации в соответствии со ст. 13(b) Римского статута формирует обязательство сотрудничества для государств – членов ООН, однако эффективность исполнения решений МУС определяется не только юридической конструкцией соответствующих обязательств, но и институциональными и политическими факторами. К числу таких факторов относятся устойчивость государственных институтов, готовность государств к сотрудничеству, а также степень участия Совета Безопасности в пост-реферальной фазе взаимодействия с Судом.

Несмотря на наличие нормативных оснований сотрудничества и сформированную судебную практику, исполнение решений Международного уголовного суда в ситуациях, переданных Советом Безопасности ООН, сталкивается с рядом структурных ограничений. Эти ограничения обусловлены как институциональными особенностями функционирования самого Суда, так и характером взаимодействия

между МУС, государствами и органами системы ООН [4; 6, р. 93].

Прежде всего следует отметить отсутствие у МУС самостоятельного механизма принуждения. В отличие от национальных судебных систем Суд не располагает собственными правоохранительными или исполнительными органами и не может самостоятельно осуществлять задержание лиц, находящихся на территории государств. Исполнение ордеров на арест зависит от готовности государств сотрудничать с Судом, их институциональной способности обеспечить исполнение запросов, а также эффективности взаимодействия с международными структурами [4; 9, р. 515]. Даже в случаях, когда обязательство сотрудничества вытекает из резолюции Совета Безопасности, Суд может лишь констатировать факт неисполнения, но не обладает возможностью обеспечить реализацию своих решений принудительными средствами.

Существенное значение имеет и политико-институциональный контекст взаимодействия с Советом Безопасности. Хотя именно Совет принимает решения о передаче ситуации в юрисдикцию МУС, дальнейшее сопровождение процесса исполнения решений Суда зачастую оказывается ограниченным. В практике Суда неоднократно отмечалось, что сообщения о неисполнении запросов направляются в Совет Безопасности, однако такие обращения редко приводят к последующим мерам, в том числе к применению санкционных механизмов [4; 10, р. 340]. Отсутствие формализованной процедуры мониторинга исполнения решений МУС со стороны Совета Безопасности усиливает зависимость эффективности международного уголовного правосудия от политических факторов.

Дополнительным препятствием выступает институциональная нестабильность государств, в отношении которых осуществляется расследование. Опыт ситуации в Ливии показал, что даже при признании юрисдикции Суда фактическое исполнение его решений может оказаться невозможным при отсутствии устойчивых государственных институтов. Конкуренция между различными политическими и вооружёнными группами, слабость национальной судебной системы и ограниченная управляемость территорий существенно осложняют выполнение запросов МУС [3; 11].

Наконец, дискуссионным остаётся вопрос соотношения ст.ст. 27 и 98 Римского статута, регулирующих проблему иммунитетов должностных лиц. Хотя судебная практика МУС, включая решение Апелляционной палаты по делу Иордании, исходит из приоритета нормы о неприменимости иммунитетов в ситуациях, переданных Советом Безопасности, в доктрине сохраняются различные подходы к толкованию данных положений [4; 7; 8, с. 214; 12]. Часть исследователей считает, что резолюция Со-

вета Безопасности сама по себе устраняет действие иммунитетов, тогда как другие указывают на необходимость прямого указания на это в тексте соответствующей резолюции.

Таким образом, анализ практики показывает, что исполнение решений Международного уголовного суда определяется не только юридической конструкцией обязательств сотрудничества, но и более широкими институциональными и политическими факторами. К числу ключевых ограничений относятся отсутствие у Суда собственных механизмов принуждения, зависимость от позиции государств и Совета Безопасности, а также институциональная нестабильность государств, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

Возможные направления совершенствования механизма исполнения решений МУС (*de lege ferenda*)

Анализ правовой природы обязательств сотрудничества государств с Международным уголовным судом и практики их исполнения в ситуациях, переданных Советом Безопасности ООН, позволяет говорить о необходимости уточнения отдельных институциональных механизмов сопровождения таких решений. Речь при этом не идёт о расширении юрисдикции МУС или изменении его полномочий, а о совершенствовании процедур взаимодействия между Судом, государствами и Советом Безопасности [4; 6, р. 93].

Уточнение содержания обязательства сотрудничества в резолюциях Совета Безопасности

Резолюции Совета Безопасности, принимаемые на основании главы VII Устава ООН, обладают обязательной силой для всех государств – членов ООН, однако их формулировки зачастую носят рамочный характер. В целях повышения определённости правоприменения представляется целесообразным более чётко фиксировать в тексте резолюций обязательность исполнения запросов МУС, включая запросы об аресте и передаче обвиняемых.

Дополнительная конкретизация таких положений могла бы способствовать снижению числа разночтений в государственной практике и укреплению единообразия исполнения решений Суда [5; 9, р. 518].

Формирование механизмов мониторинга исполнения

В настоящее время резолюции Совета Безопасности не сопровождаются формализованной процедурой контроля за исполнением запросов МУС. Сообщения Суда о случаях неисполнения направляются в Совет Безопасности, однако их рассмотрение не всегда приводит к принятию последующих мер [10, р. 341].

В этой связи представляется возможным развитие практики регулярного включения информации о сотрудничестве государств с МУС в доклады Гене-

рального секретаря ООН, а также обсуждение соответствующих вопросов в рамках заседаний Совета Безопасности. Подобные меры могли бы повысить прозрачность процесса исполнения решений Суда и поддерживать внимание международного сообщества к проблеме их реализации.

Развитие взаимодействия с национальными органами уголовной юстиции

Практика показывает, что в ряде ситуаций основным препятствием исполнению решений МУС выступает ограниченная институциональная способность государства. Это особенно наглядно проявилось в ситуации в Ливии, где фрагментация государственных институтов существенно осложнила выполнение запросов Суда [3; 11].

В подобных условиях важную роль может играть развитие форм технического и консультативного взаимодействия между МУС и национальными органами уголовной юстиции, включая помощь в документировании доказательств, обмен процессуальным опытом и поддержку в организации процедур передачи обвиняемых. Такие меры способны повысить практическую исполнимость решений Суда без изменения характера международных обязательств государств.

Поддержание единообразия толкования ст.ст. 27 и 98 Римского статута

Судебная практика МУС сформировала относительно устойчивый подход к соотношению ст.ст. 27 и 98 Римского статута, согласно которому передача ситуации Советом Безопасности устраняет препятствия, связанные с иммунитетом должностных лиц, при исполнении ордеров на арест. Данная позиция была подтверждена Апелляционной палатой Суда, в частности в решении по делу Иордании [6, р. 94; 7; 12].

Вместе с тем для обеспечения предсказуемости международного правоприменения представляется целесообразным продолжать разъяснительный диалог между Судом и государствами. Этому могут способствовать публикация аналитических обзоров судебной практики, экспертные обсуждения и обмен правовыми позициями в рамках Ассамблеи государств – участников Римского статута.

Заключение

Исполнение решений Международного уголовного суда в ситуациях, переданных в его юрисдикцию Советом Безопасности ООН, характеризуется сочетанием договорных и институциональных элементов обязательства сотрудничества. Передача ситуации в соответствии со ст. 13(b) Римского статута формирует обязательство сотрудничества для государств – членов ООН, что подтверждается как содержанием резолюций Совета Безопасности, так и судебной практикой Международного уголовного суда [4; 5].

Вместе с тем эффективность исполнения ордеров на арест и иных запросов Суда определяется

не только юридической природой соответствующих обязательств, но и рядом практических факторов, включая политическую волю государств, устойчивость национальных правовых институтов и степень участия Совета Безопасности в пост-реферальной фазе взаимодействия с Судом. Анализ ситуаций в Судане и Ливии показывает, что различия в институциональных условиях и позициях государств могут приводить к существенно различающимся результатам исполнения решений МУС.

В этой связи перспективным представляется дальнейшее развитие процедур взаимодействия между Международным уголовным судом, государствами и Советом Безопасности ООН [6, р. 95; 13, с. 402].

В частности, повышение эффективности исполнения решений Суда может быть связано с уточнением формулировок резолюций Совета Безопасности в части обязательности сотрудничества, развитием механизмов мониторинга исполнения и укреплением практических форм взаимодействия между МУС и национальными органами уголовной юстиции. Реализация указанных направлений способна повысить последовательность и предсказуемость исполнения решений Суда, не изменяя при этом базовых полномочий Международного уголовного суда и Совета Безопасности.

Литература:

1. Rome Statute of the International Criminal Court. 17 July 1998. UN Doc. A/CONF.183/9. URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf>
2. Charter of the United Nations. 26 June 1945. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter>
3. Кибальник А.Г. Международное уголовное право. М.: Юрайт, 2019. 501 с.
4. International Criminal Court. The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir. Decisions on the non-compliance by Malawi and Chad with the cooperation requests issued by the Court. ICC-02/05-01/09. URL: <https://www.icc-cpi.int>
5. United Nations Security Council. Resolution 1593 (2005); Resolution 1970 (2011); Resolution 1973 (2011). URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions>
6. Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 89–95
7. International Criminal Court, Appeals Chamber. Judgment in the Jordan Referral re Al-Bashir Appeal. ICC-02/05-01/09-397-Corr. 6 May 2019. URL: <https://www.icc-cpi.int>
8. Каламкрян Р.А., Мигунов С.А. Международное уголовное право. М.: Норма, 2018. 541 с.
9. Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 512–520.
10. Akande D. The Legal Nature of Security Council Referrals to the ICC and Its Impact on Al Bashir's Immunities // Journal of International Criminal Justice. 2009. Vol. 7. P. 333–352.
11. International Criminal Court. Situation in Libya: Decision on the admissibility of the case against Saif Al-Islam Gaddafi. ICC-01/11. URL: <https://www.icc-cpi.int>
12. International Court of Justice. Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). Judgment. ICJ Reports. 2002. P. 3–35.
13. Абашидзе А.Х., Верещетина В.С., Егорова С.А., Марочкина С.Ю. Международное право. М.: Норма, 2020. 576 с.

Execution of Judgments of the International Criminal Court in the Context of un Security Council Resolutions

Shamsutdinov I.R.
University of Management "TISBI" (Kazan)

The relevance of the study is due to the persistent difficulties in enforcing the decisions of the International Criminal Court (ICC), as well as the increasing politicization of international law enforcement mechanisms and the declining effectiveness of international criminal justice. In this context, the role of the United Nations Security Council in referring situations to the jurisdiction of the ICC becomes particularly significant.

The aim of the study is to identify the legal and institutional limitations of the United Nations Security Council's participation in ensuring the enforcement of decisions of the International Criminal Court.

The article analyzes the nature of state obligations arising from Security Council referrals, the influence of political factors on the execution of ICC arrest warrants, and the role of the doctrine of immunities in the interaction between judicial and political bodies of international justice.

The study demonstrates that Security Council referrals create a special regime of international cooperation that is formally binding but lacks independent enforcement mechanisms. It is shown that the existing model of interaction between the ICC and the United Nations contributes to the institutional legitimization of the Court's activities but does not guarantee the effective implementation of its decisions.

Keywords: International Criminal Court, United Nations Security Council, enforcement of ICC decisions, jurisdiction under Article 13(b), legitimacy of international criminal justice, immunities of state officials, international cooperation

